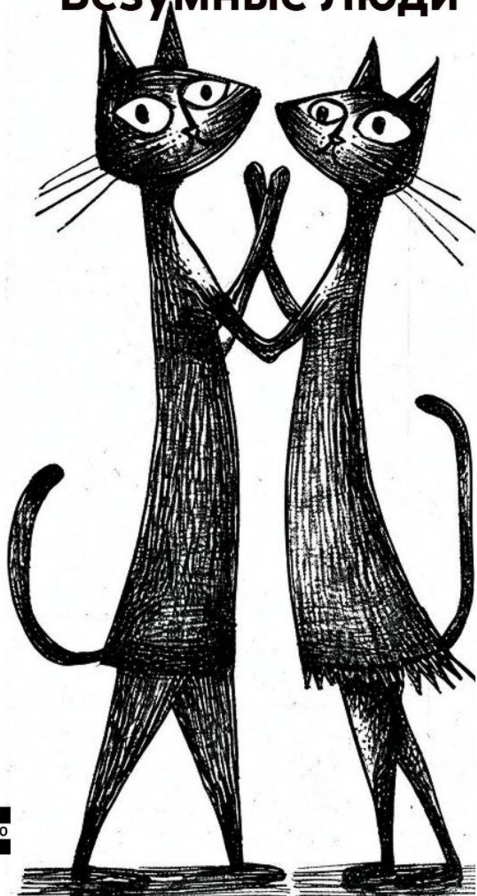

Мара Чёрная

Волшебные Коты 2

Безумные Люди

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мара Чёрная

Волшебные Коты

2 Безумные Люди

<https://litres.ru/74265519>

SelfPub; 2026

Аннотация

Приключения продолжаются! Всё, что было непонятно в первой части, разрешится, но новые загадки куда как заковыристее. Заходи, странник, я расскажу тебе историю.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Мара Чёрная

Волшебные Коты

2 Безумные Люди

Глава 1

От автора.

Действующие лица романа вымышлены. Всякое сходство их с реально существующими людьми и животными – не более чем случайное совпадение.

Мара Чёрная.

Посвящается Ольге "Лёлику" Зелиной. 09. 03. 1987 – 17. 02. 2024.

Глава 1.

-Мне приснилось, что ты умерла... – Красный смотрел на Лёлика покрасневшими глазами.

-Не дождётесь! – бодрая дерзость, прозвучавшая в ответе, была далека от жизнерадостной ироничности того, всем известного, старого анекдота.

-Дома сейчас Масленица...

-Дома?! – Лёлик насмешливо сощурилась. – Ты о каком доме говоришь?

-Мир Людей...

-Скажи мне, а ты когда последний раз в Лиса заходил?
Красный промолчал, отвернувшись.

В мире прибытия тоже была весна, ранняя, холодная, иногда с синим небом, иногда с дождём на целый день. В местах скопления сугробов, поодаль от дорог и тропинок, даже не думал таять твёрдый, грязный, не поддающийся солнечным лучам снег.

Красный поднял руку с разноцветным листком бумаги и начал читать:

- "Такая вкусная раньше еда потеряла свой вкус, вино не горячит больше голову, и жар тысячи блудниц не согревает хладных членов?.." Что и зачем я только что прочитал?

- "Хладных членов?.." Похоже на монолог капитана Гектора Барбоссы из первой части "Пиратов Карибского моря", когда они ещё не избавились от проклятия. Что это?

-Какая-то реклама. Дал местный вручатель листовок.

-А рекламируют местную виагру против нестояния к прелестьям жизни? По-любому это наше шило! Кстати, о продавцах тибетских императорских вкусняшек: или на ловца и зверь бежит, или мне всё видится в спектре поиска нашей цели. Напомни задание, если не забыл.

-Столбиков Вениамин Фёдорович. Владелец эректильной клиники "Последняя плоть", врач-импотентолог второй категории.

-Именно.

-А почему только второй?

-Запрещено работать с животными.

-Потому что на первую экзамены не сдал?

-Спросишь у него сам при встрече.

Очередной продолжительно-протяжный, навязчиво-недружелюбный порыв ледяного ветра подморозил всё то, что обычно замораживаться не должно.

-Давай я тебя застегну, – Красный полностью, наглухо застегнул Лёлика на все имеющиеся пуговицы и, обмотав её шею поверх пальто длинным полосатым шарфом, завязал сложный, красивый узел. – Ты похожа на Снусмумрика. Танч!

Ничего не выходит. Всё заебалю. Особенно сама безысходность - реально окружившая и воплощённая вокруг или же обосновавшаяся внутри головы. Когда едешь, и едешь, и едешь, и ничего. Ничего, кроме этого "едешь".

Арестант в сотый раз огляделся. Он восседал на передке четырёхколёсной телеги с высокими бортами, запряжённой двумя чёрными лошадьми. Справа от горной серпантинной дороги отвесно вниз падало ущелье - пропасть, застеленная серым туманом; слева так же отвесно, только вверх, взлетала стена гор, голых скал, не приютивших на себе никакой растительности. Сзади (он увидел их, обернувшись) на пассажирской скамеечке сидели Волки, Иванов и Ван Дусбург, сосредоточенно оглядываясь вокруг. От Волков сквозило лёгким недоумением, но по их лицам было понятно, что по большо-

му счёту им похуй. Ширины дороги вполне хватало, чтобы не спеша разъехаться со встречной телегой, будь она приблизительно таких же габаритов и с возницей, желающим так же не спеша разъехаться. До сих пор на дороге им никто не повстречался.

"Едем. Куда? Как можно куда-то ехать, если ехать некуда? "Наш паровоз, вперёд лети! В Коммуне остановка". Перевернутые песни перевернутого мира. А куда ты хочешь приехать? Нельзя хотеть того, чего нет. Или можно? Или это умоблудие возникло исключительно из самих рассуждалок об этом? Но как не думать о том, куда ты едешь, если ты едешь? Куда?!"

Арестант отпустил поводья.

Повозка некоторое время ехала по самому краю над пропастью, без управления, иногда с повисшими в пустоте то передними, то задними правыми колёсами, но продолжала ехать. Вокруг всё так же падала и возвышалась, стелилась дорогой до следующего поворота какая-то киношная Трансильвания, но без каких бы то ни было замков, летучих мышей, волков-оборотней и вообще без живности. Андедов любого вида не было тоже. Сзади примолкли и доселе нешумные Иванов и Ван Дусбург.

Горы, сумерки, Трансильвания, неуправляемая повозка едет вперёд, проваливаясь правыми колёсами навстречу туманной бездне, не на шутку загнавшийся Арестант, сзади охувшие от его стиля вождения Волки. Такая вот визуали-

зация.

"Почему "визуализация"? Откуда взялось это слово?"

-Сеанс окончен, – прозвучал мелодичный, приятный женский голос.

Арестант снял шлем и встал из кресла, то же самое проделали сидящие в креслах напротив Волки. Они вышли из вестибюля аттракциона, оставив за спиной красивые сверкающие буквы: "Условно дополненная реальность". Когда Арестант закурил папиросу в специально отведённом для этого месте, Иванов спросил:

-Кто учил тебя водить?

-В семь лет дядя посадил меня за руль КамАЗа. Я сидел у него на коленях. Через сто метров я снёс забор и чуть не врезался в колодец. Дядя успел среагировать – нажал на тормоз, хоть и был пьяный.

-Братан, сегодня, прямо сейчас, мы ехали в абсолютную неопределённость, – Ван Дусбург попытался мимически изобразить вышесказанное.

-Да, – согласился Иванов, глядя в лицо напарнику. – У меня раз один друг, из Людей, пережрал антигистаминов - это противоаллергенные. Вот точно такое же выражение лица у него было, пока он обратно незрелых помидоров не поел.

-Я расскажу тебе про неопределённость. Так бывает, когда барыге приносишь несколько разных вещей и думаешь: "Вот эти две – самые козырные, с руками оторвёт", а он тебе говорит: "Зачем мне они вообще?". А за две другие, а ты их

вообще на дурака взял – вдруг прокатит, говорит: "А вот за это спасибо!" и хорошо за них платит, – Арестант затянулся папиросой.

-Сегодня на аттракционе ты разговаривал сам с собой. Я мало что понял, но фразы: "путь в никуда" и "это тупик" ты повторил несколько раз, – Ван Дусбург перестал корчить рожи и соорудил на лице выражение, соответствующее стандартному покрою физиономии существа, притворяющегося Человеком и известного под именем Ван Дусбург.

-Будь тут сейчас Кирилл, он в момент разъяснил бы за путь в никуда и тупик на примере алкоголизма. Вместо него выскажусь я, – Арестант выбросил окурок. – Да, так говорят, что алкоголизм – это тупик, путь в никуда. Но тупик и путь в никуда – это разные вещи. И не обязательно плохие. Попав в тупик, там можно хорошо отдохнуть, набраться сил и опять собраться, если ты разобран. А путь в никуда – это когда тупика уже не хватает. Отбросив всё заебавшее, сильно, в доску, вообще петля, да вообще всё, и оставив только само это желание, желание пути в никуда, можно на него встать и даже по нему отправиться. В путь в никуда.

-В следующий раз в бильярд пойдём или в боулинг, – Иванов сказал это без тени осуждения, сарказма и прочих пассивно-агрессивных посылов.

-А как вы хотели?! Это вам не воробушкам коленки выворачивать, – Арестант улыбнулся Волкам сквозь дым очередной папиросы.

-Скоро опять будут яблоки. Скоро? Через полгода... – Писатель стоял в проулке между жилой пятиэтажкой и газовой котельной и смотрел на свою любимую яблоню, притулившуюся в уголке рядом с распределителем популярного маркетплейса. Всегда сладкие яблоки, хоть вкус и не такой выраженный, даже слегка водянистый. Но птицы их любят. Часто на упавших на землю (именно по этой причине) яблоках имелись выдолбленные клювами, с неровными краями дыры. Кроме того, наличие червяков и их червячьих тоннелей наглядно демонстрировало, что птицы и Писатель не одиноки в своих фруктовых предпочтениях.

Рядом по тротуару медленно прошла бабушка с внуком-дошколёнком на буксире. Внук старательно держал бабушкину руку и то, добросовестно отрабатывая рекомендации взрослых, бдительно смотрел в асфальт, себе под ноги, а то, повернув голову вверх и вбок, заглядывал бабуле в лицо:

-А Бузова правда существует?

Писатель проводил взглядом неторопливую парочку.

-Ну, как твои дела? – раздался сзади прокуренный хрипчатый голос.

-Они в порядке. Но не в квадрате.

-Сумасшедшие научили так отвечать?

-Они.

-Как съездил в психоневрологический? Как его там?.. Санаторий?!

-Вполне.

-Тоже всё в порядке?

-Да.

-Здорово, Шрайбикус!

-Прывэт, Слава.

Весна, конец марта, снег уже сошёл, лужи тоже, ненавязчивое солнце, лёгкий ветерок; они пошли по пешеходной дорожке, почти не уклоняясь от самокатчиков, велосипедистов, владельцев детских колясок и домашних собак. Бомж Слава медленно вышагивал в своих сильно потёртых зимних сапогах модной советской модели образца тысяча девятьсот восемьдесят пятого года и вдумчиво осматривал окружающие насаждения. Шрайбикус надолго приложился к полторахе с сомнительного цвета содержимым и, опорожнив наполовину, отдал её обратно Бомжу Славе:

-Я расскажу тебе про одного начинающего писателя и прочитаю его рассказ, часть из него. Он мой знакомый, чернокожий из Америки, работал в котельной, а иногда в церкви - не знаю в какой, не знаю кем. Вот его рассказ, слушай: "Мы снова выпили, и он спросил у меня: "Тебе нравится блюз? Я спою тебе блюз". Он спросил, нравится ли мне блюз! И он сказал: "Я спою тебе блюз!" В течение следующего получаса я играл на губной гармошке, а он пел блюз. На русском. Мы сидели на ступеньках моей церкви, был поздний вечер, и все прихожане уже разошлись. Кроме нас. У нас во дворе жили котята. Он заметил одну кошечку, чёрную. Он сказал,

что от него убежала такая же, с концами. Я спросил, что мы будем делать. Он ответил: "После того как мы всё выпьем, ну совсем всё, мы выпьем снова! А потом мы проснёмся и выпьем ещё, уже чисто в медицинских целях. А после мы пойдём к одному издателю, потому что он тоже писатель". Я спросил его, когда мы уже пошли, есть ли у него друзья. Он ответил: "Никого. Только ты и эта кошка. Чёрная, тот котёнок".

-Он написал это про тебя? – Бомж Слава хлебал из полторахи с непреклонной последовательностью слона-шпалоткладчика.

-Он написал это про меня, – Шрайбикус помолчал. – Как там дела... у остальных?

-Брик почти перестал хромать и уже научился надевать штаны двумя руками. Королева Эльфов тогда ошибся дверью, но мундир Марику всё же вернул. Хотя Бесхвостый не может снова притвориться Человеком.

-Почему?

-Потому что хвоста нет. А Брик не может больше обратиться в Кота. Всё ещё хочешь бросить пить?

-Похмелье проходит долго, а навязчивое желание выпить, когда ты трезвый и не болеешь с перепоею, - сравнительно быстро. И если эта фраза тебя мотивирует, не скатываясь со временем в бессмысленный набор звуков, то ты можешь бросить пить. Навсегда. Теоретически.

-Задавайте мне свои вопросы сразу и, желательно, вкратце, без утомительных околохождений, – Специального Кота уже порядком напрягали эти двое, не сильно, но уже.

Молоденький офисный планктон отвёл глаза и принял-ся длинно и путано рассказывать о своих прошлых удачных переговорах. Строгая сорокалетняя "девочка" осадил его взглядом и посмотрела на Брика:

-Расскажите о своих ощущениях после Удара.

Спец. Кот скупно ухмыльнулся:

-Однажды у нас Человек упал с девятого этажа на груды щебёнки. Был ещё живой, в сознании, разговаривал даже - недолго, правда. Так вот, начальник к нему подбежал и спрашивает: "Где у тебя болит?" – он усмехнулся ещё раз. – Я ожидаю вашего прихода последние дня два, не три, но два.

-Что вы помните?

-Я помню в больнице перед операцией операционная медсестра пристёгивает меня ремнями к операционному столу и спрашивает: "СПИД, гепатит есть?" – "Нет." – "Будет."

-И что потом?

-Сказали : "Считай до десяти." и дали наркоз.

-И до сколько вы досчитали?

-До двух.

-Выберите из перечисленных вам слов одно, наиболее затронувшее вас эмоционально. Слова следующие: отмороженные, зарвавшиеся, продажные, вражеские, оголтелые.

-Я иммунен даже к тесту на уровень интеллекта, о чём

есть специальная пометка в моём личном деле, так что давайте не будем терять время.

-Может, хотя бы попытаетесь? – подал голос молодой человек, сделав, как ему показалось, по-Человечески сердечно-благожелательное лицо.

Брик шумно втянул носом воздух:

-М-м-м, кофе пахнет... Я не зря проснулся.

-Кофе принеси, – голова строгой дознавательницы повернулась в сторону щуплого юного мужчины в синем костюме.

-Мне два, рандом, ты же в автомате будешь брать? – Спец. Кот вопросительно поглядел в тусклые, слишком маленькие для Человека глаза.

-Рандом?..

-Просто ткни пальцем наугад ровно два раза в меню с вариантами.

В ожидании кофе Держательница Весов перебирала официального вида бумажки, Брик сосредоточился на ощущениях в травмированной ноге. Ощущения были так себе.

-Как нога? – серьёзная девочка спросила это, не отрывая глаз от своих серьёзных бумажек.

-Нога как нога.

-А рука?

-Так же, как нога, – Брик улыбнулся.

Офисный мундир синего цвета принёс кофе и протянул оба стаканчика в сторону Спец. Кота. Кот выбрал один из них. Держатель Весов, или же, судя по виду и обращению,

стажёр Держателя Весов, присел на полукресло со вторым стаканом в руке и вопросительно поглядел на Брика.

– Зачем мне сразу два кофе? – Брик отхлебнул чего-то экзотически-сладкого. – Я буду их пить по порядку. Тот, что у тебя в руках, – второй в очереди.

Они сидели в кабинете на трёх полумягких полукреслах друг напротив друга; никакой другой мебели не было, не было ничего вообще, кроме стен, пола и потолка. Поставить принесённый кофе на пол было бы несколько кощунственно, и стажёр это понимал, поэтому продолжал держать его в руке.

В дверь постучали.

На пороге возникли две низенькие, полненькие, весёлые молодые женщины:

– Мы по повестке! Тамара и Антонина, – Крысы жизнерадостно улыбались безукоризненно белыми крепкими зубами.

Дознавательница не обратила на них ровным счётом никакого внимания, продолжая складывать свою бумажную бухгалтерию обратно в шикарный коричневый кожаный портфель. Стажёр сразу просёк ситуацию:

– На данный момент мы располагаем всеми необходимыми нам сведениями, в случае необходимости вас известят. Вы можете идти.

– Пазлик сложился? – Брик недобро прищурился и взял второй стаканчик.

-Лучший кайф для двоих – это секс, танец и что-нибудь вместе приготовить. Желательно какое-нибудь сложное блюдо, – Кирилл колдовал на кухне, поручив Тане операции по первичной обработке продуктов, как-то: почистить, порезать, нашинковать, разморозить и попросту достать из холодильника или из буфета.

-Скажите мне, коллега, – Денежный обратился к Васе, наблюдающему за Барменом, занятым своими прямыми обязанностями в специально отведённом для этого уголке. – Как повар повару: когда это касается овощей с тонкой кожурой, что важнее и первичнее – припустить или же пассеровать?

-Целиком доверяю это вашему гению, маэстро, а за себя могу сказать одно, но вполне определённо: в этой жизни я умею безошибочно выбирать три вещи: цветы, арбузы и селёдку. Приходя за цветами, не нацеливайся на какой-то определённый вид и сорт, а также ничего не отвергай заранее, конечно, за исключением особых случаев. Просто бери самые "жирные". Много. И не смотри на сорт или цвет. Розы или лилии – пофиг. Арбузы: дай мне десять штук, и я их разложу шеренгой по степени возрастания сладости или же, наоборот, по степени её понижения. Селёдка – ну, тут впору вспомнить Паниковского и его оду гусю.

Кирилл уважительно покивал головой:

-Хочу, кстати, заметить за гарнир. Вкусно (ну как вкусно – для меня вкусно означает нормально приготовленный) вы-

полненный гарнир зачастую гораздо вкуснее самого основного продукта: мяса, рыбы или птицы. Именно отсюда любовь к таким вещам, как восточный плов, итальянская паста, и популярность их, и не забудем картоху, конечно. Определяющим элементом тут являются именно рис, макарики и картоха. Ну и другие продукты-гарниры. А гречка для меня вообще – самостоятельное блюдо. И я не веган и даже близко не вегетарианец.

-А чего девчонки-то у нас молчат? Даже непривычно! – Бывшему Охраннику уже захорошело (ребята готовили и общались не насухую).

-Я стругаю! – отрапортовала Таня, наглядно покрутив в воздухе увесистым тесачком.

-Софья Ковалевская как хорошо выглядит, вот что значит режим, – Жанна листала свежий номер модного журнала.

Кирилл походя помешал что-то в исторгающей ароматный пар кастрюле, пошевелил на разговаривающей непонятным, ворчливым языком чугунной сковороде и повернулся к остальным:

-Есть мнение, что однажды в жизни почти что каждого, за редким исключением, медийного человека наступает "чай-на-тайм". Это когда очередная серия косметических процедур, призванных победить морщины на лице, превращает пациента в подданного Поднебесной. Просто посмотрите вокруг. А если вам этого мало – возьмите фото "до" и "после". Но тем не менее морщины побеждены, а вы ведь именно это-

го и хотели.

-Эй, Электроник, а ты чего там затихарился? – Вася хлопнул по плечу Бармена, сосредоточенно что-то соображающего (об этом прямо-таки семафорило выражение его ненастоящего лица) над разложенной ученической тетрадкой с аккуратными записями и раскрытым учебником по русской грамматике.

-У меня задание: найди однокоренные слова и составь из них осмысленное предложение.

-Русский учи – пригодится, – улыбнулся Кирилл. – Получается?

-Вот что получается, – робот взял свою тетрадку двумя руками. – Не путай феминисток с филателистками, филателисток с фемистоклистками, фемистоклисток с симфонистками, симфонисток с нимфоманками, а нимфоманок с феминистками.

-Когда на "Живёт моя отрада"?

-На "Живёт моя отрада"?

-Международный конкурс русскоязычных лингвистов.

Осознав подъёбошный характер вопроса, Бармен улыбнулся. Это получалось у него очень хорошо – улыбаться. Получилось и сейчас.

Вошёл Марик и сел посередине кухни, глядя прямо перед собой задумчиво-отсутствующим взглядом.

-Может, попробуешь ещё раз? – Жанна опустила на колени раскрытый журнал.

-Алле-ап... – произнёс Бесхвостый Кот безо всякого воодушевления.

Посреди кухни стоял высокий, красивый, стройный кавалергард в безумно шикарном мундире... и с голой жопой. На этом важном месте красовалась рваная дыра, совершенно не коррелирующая с остальным антуражем.

Кирилл скрутило в спазмах хохота:

-Ха-ха-ха... Извини, братан, без обид.

-Ну да, ведь его мундир и его Человеческая сторона тесно связаны с его Котовьей сущностью, а ведь ему наглухо отстрелили хвост. Не-е, ну я не могу! – Таня не смогла сдерживать беззвучного хихиканья. Извиняться она не стала.

-Это как в той песне: "Но зрение к нему так и не вернулось", – белый Бесхвостый Кот беззлобно смотрел на угорающих Таню и Кирилла.

-Огорчаете вы меня такой своей душевной чёрствостью, – Вася взял чистую тарелку, открыл холодильник и достал оттуда нечто с удивительным копчёно-рыбным запахом. – Балычок. Давай я, братан, тебе положу, – он напластал несколько кусков двухсантиметровой толщины и поставил перед Мариком враз потяжелевшую тарелку. – А вам должно быть стыдно! Наливай! – это было сказано уже Бармену.

-Вообще, у нас всё в пределах нормы, нам наш семейный психолог-нарколог так сказала, – Таня опрокинула стопку.

-Братан, извини, я не со зла. С меня бочка карасей в сметане, – Кирилл повторил Танин жест.

-Ваша психолог-нарколога ведь самых отпетых нашла из всего города, – беря свою стопку, Вася хитро подмигнул Та-не.

-Зачем ты её ударил? – Бабушка К поставила перед Студентом эмалированную миску с салатом из зелени и молоденькой редьки, щедро заправленным деревенской сметаной.

-Ты тоже считаешь, что это не очень, ну, то есть не совсем по-королевски, проорав команду "Огонь!" произвести удар лопатой в голову? – Саша подцепил на вилку белый кружок с красным ободком.

-А кто ещё так считает?

-Я сам. Но я ведь, собственно, и не король.

-Вы просто поссорились, тебе тупо нравится пиздить Её Величество садовой лопатой по голове или же тут имеет место какой-то ваш собственный, особенный ритуал?

-У меня нет для тебя подходящего объяснения. Возможно, всё было бы намного проще объяснить, если бы Чёрная Маша, Королева королевства Котов, сейчас была бы тут, вместе с нами. Или, наоборот, намного сложнее.

-Что будешь делать, если она вернётся? Извиняться или добивать?

-Я думаю, что и то, и другое одинаково не имеет смысла. А посему я бы сейчас просто присоединился к остальным.

-Рассказывать им о случившемся будешь сам. Или не бу-

дешь. Но тоже сам.

-Разбудишь Антрацита?

-Нет. Ему снится что-то важное. Пусть досмотрит.

Чёрный кот, спящий на домотканом половике, делал это весьма активно, шевеля всем, чем можно шевелить стандартному коту: лапами, хвостом, усами, ушами – иногда сразу всем вместе, иногда по отдельности, но не открывая глаз и молча.

Ему снился сон.

-А ты какого цвета кот? – перед Антрацитом, скрестив ноги, сидела Девочка с Тетрадной Обложки.

-Чёрный.

-Знаешь Марика, Бесхвостого Кота?

-Знаю. Ты кто?

-Kitten Girl. Здесь я друг во сне. По-другому никак. Передай Марику, пусть найдёт меня здесь.

-Там я просто кот. Как Гарри Поттер в своём чулане под лестницей.

-Ты справишься. Скажи ему: "Я обитаю во сне". Я тут даже немножечко питаюсь. И пусть не боится страшных снов. Тут есть один такой кошмар: матросы на зебрах, а на бескозырках – золотые тиснёные буквы "Ташкент".

-Мяу! – сказал Антрацит и проснулся.

Маша восседала на восстановленном Антрацитовом Тро-
не в Чёрном Тронном зале заново отстроенного Чёрного

Замка и слушала группу "Кровосток". Шишка на лбу была почти незаметна, уже не выделяясь ни фактурно, ни игрой цветовых переходов. Внутри королевской головы уже ничего не крутилось вокруг Человека по имени Саша, напоминающая о произошедшем инциденте – там были только государственные дела. Прекрасные синие глаза Чёрной Королевы излучали безмятежность наполовину с тихой удовлетворённостью. Будь Маша чуть-чуть, по-хорошему, помордастей, она непременно была бы приглашена на роль рекламного лица молочного шоколада "Алёнке 33". Возможно, третий укол в губы всё же был лишним, а может, просто идите на хуй. И вообще, красота бывает броской, а бывает естественной – смотря как ты сегодня выпалась, а тот, кто думает по-другому, пусть перечитает предложение выше, его вторую часть, после запятой.

"Никто не вечен, если нож в печень..." – зачитал Шило.

-Дивное утро, – Чёрная Королева позвонила в колокольчик. Новый Привратник явился быстро, но не так быстро, как следовало бы. Был он толст, лыс, низок, но весьма изящен в телодвижениях. – А ещё они отстрелили хвост моему мажордому и он теперь не может носить свой мундир. Почта! – последнее слово она произнесла громче, чем всё остальное.

-Почта отсутствует, но к вам посетители, Ваше Величество.

Маша изобразила на лице покорность перед происходящими событиями, невозможность и даже нежелание их ме-

нять. С лёгким бланшем на лбу это было несложно.

В зал вошёл потёртый тип с яростно воодушевлённым взглядом духовного коуча. Возможно, что таких зимних сапог модной советской модели не было больше ни у кого на всём белом свете. Ни у кого вообще. Его сопровождали две невысокие, довольные не только собой, но и происходящим вокруг полноватые женщины.

-Мадемуазель Антонина, мадемуазель Тамара и шевалье Вячеслав! – Привратник без Имени всё же худо-бедно исполнял свои обязанности.

- "Шевалье Вячеслав"... – Крысы вежливо хохотнули, а Бомж Слава смерил Привратника продолжительным взглядом.

-Позвольте, угадаю? – Чёрная Королева в упор разглядывала примечательную троицу, негромко постукивая длинными ногтями цвета позднего василька по подлокотнику Антрацитового Трона. – Продажа садовых лопат превентивного действия?

-Отнюдь, Ваше Величество. Мы пришли дать вам нечто большее.

Брик заседал у себя в кабинете, за директорским столом директора ООО "Родники". Таня присела за стол для конференций, придвинутый торцом к директорскому.

-Звонил Королева Эльфов, – Таня отхлебнула собственноручно приготовленный кофе.

-Ты дала ему наш номер?

-Нет. Но он у него есть.

-И что он хотел?

-У него украли Зузу.

-Зузу?

-Да.

-Он её описал? Как она выглядит, эта Зуза?

-Она не склоняется. И я не уверена, что она – это именно она.

-В приёмной кто-нибудь есть?

-Соискатели.

Они удостоили друг друга долгими взглядами. Таня в один глоток допила кофе, встала и вышла вместе с пустой чашкой. Через полминуты в кабинет вошли трое: девушка и два молодых мужчины. Высокая, немного угловатая девушка с короткой мальчишеской стрижкой была одета в тёмно-синий спортивный костюм с тремя характерными лампасами. Парни с первого взгляда ничем особенным не выделялись.

-Представьтесь, – Брик смотрел только на неё. – Для начала.

-Виктория, Вика.

-Я буду звать тебя Победа. Если сработаемся. Вы? – он поглядел на пацанов.

-Чистяков.

-Карпухин.

Длинная, худая, с олдскульными тату на кистях и шее (на

местах, не закрытых костюмом), кроме всего прочего, была Змеем. Парни были Людьми. Возможно, не из этого мира.

-К нам зачем?

-Закрыть вакансию сталкера, – ответил Карпухин. Или Чистяков. Они были чем-то неуловимо похожи, хоть и сильно различались внешне. Один был огромен, звероподобен, телосложением чем-то сродни медведю; второй – более изящен и быстр в движениях, но, должно быть, не менее опасен. "Точно не из этого мира", – подумал Брик и демонстративно поглядел на белые Викины лампы:

-Фирма. Знаешь, как расшифровывается аббревиатура?

- "All Days I Dream About Sex", – второй парень проговорил это очень быстро, опередив остальных.

-Знакомые твои? – Спец. Кот опять смотрел только на Победу.

-Мы не ебались, – сам факт знакомства она отрицать не стала.

-Вы приняты. Все трое.

-Ты отмудохал её лопатой, потому что она вела себя как конченная сука? – Кирилл, задавая Студенту свой вопрос, в то же самое время давил существенного косяка в сторону находящейся здесь же Тани. Та отвечала ему великолепным презрением. Во взгляде и вообще. Получалось у неё непревзойдённо.

-Я совершил крайне антиобщественный поступок? – Са-

ша вынул из рюкзака низкий, широкий, толстостенный стакан в вакуумной, из прозрачного пластика, упаковке. – Гостевой, – он протянул его Денежному; следом на свет появилась полная на две трети красивая бутылка с элитным алко-голем и свой, уже давно распакованный и не раз применённый, стакан.

-Бабы – это зло, злее злого. Может так, а может и нет, но мысль имеет право быть, – Кирилл пил, глядя на до сих пор молчащую Таню.

Она подошла к Саше и коснулась своим тонкостенным бокалом формы "флют" края грубого стакана Студента:

-Вчера меня опять называли "Белое солнце пустыни". И почему эти африканцы такие мощные? Наш с тобой общий знакомый, любимый, – она отсалютовала посудой в сторону Кирилла и уставилась на него в ожидании достойного ответа.

-Почему чернокожие считаются, – Денежный выделил слово интонацией, – хорошими любовниками? Оставим в покое размеры. Всё дело в доброкачественной обезбашенности, применяемой к мирным целям. "Не думай, делай!" Каждый знает это состояние ума и тела. Каждый, кому хоть раз довелось отдыхать в специализированном курортном санатории "Долина Запой". Мы сейчас говорим о периоде отходосов, об этих волшебных трёх-четырёх днях под лозунгом "Главное – выжить!" Жена, дети, работа, соседи, полиция, травмы на теле, а что я буду есть ближайшие две недели – нет, всё это хуйня. Выжить! Выжить прямо сейчас. И ор-

ганизм с тобой согласен. И ум, его, организма, часть, тоже. Может, тут действительно подключаются некие инстинкты, доселе дремавшие, я не знаю. Мне гораздо интереснее то, что отключается. Я даже близко не нейрофизиолог и даже приблизительно не представляю себе механику происходящего. Но (и это признают все) секс на отходосах реально более толст и объёмен. И вы можете вставить сюда любые фразы из рекламы гомео-неваляшных препаратов, и они очень уместно подойдут, отразят и опишут.

-Милый, сплунь скорее, у тебя там что-то прям прилипло.

-Что?

-Языковая мишура, – Таня довольно захихикала.

-Беги и прячься, а то заляпаю.

-Изыди! – Таня продолжала мило улыбаться.

-Девочки думают, что им нравится нравиться. А мальчики думают, что им нравятся девочки, – Вася присел на стул, стул жалобно скрипнул. Таня отсалютовала бокалом в сторону Васи так же, как недавно она сделала это для Кирилла:

-А некоторым девочкам нравится подбирать контуженных жизнью мальчиков. Потому что они и сами такие. Контуженные жизнью.

Из соседней комнаты вошла Жанна:

-А что человек больше всего ценит в другом человеке?
Искренность...

Слава не был обычным бродягой. В его кармане, под сло-

ями грязной ветоши, лежал предмет, вес которого выдержал бы далеко не каждый мир, – лёгкая монетка из белого золота с гравировкой весов на аверсе. Номинал монеты был обозначен цифрой, значение которой не знал даже он. Слава медленно выпрямился. Он поднял взгляд, и на мгновение в его глазах промелькнуло что-то древнее и пугающее. Он достал из кармана монету. Она отозвалась чуть ощутимой высокочастотной вибрацией.

Сегодня была ночь Великого Равновесия.

-Я не просто пришёл к тебе, Ваше Величество, – Слава сделал шаг вперед, не обращая никакого внимания на яростно сверлящего его глазами Привратника без Имени. – Я пришел сюда как посланник. От Держателей Весов.

Королева замерла. Воздух вокруг неё на мгновение загустил.

-Держатели... – прошептала она. – Они давно не интересуются этим миром.

-Они вернулись, – Слава протянул руку. Монета на его ладони приподнялась, зависнув в воздухе. – Баланс нарушен. Твои игры с судьбами Людей стали слишком дорогими. Ты берешь слишком много, отдавая лишь пустоту. Держатели Весов недовольны..., но предлагают сделку, – сказал он, глядя прямо в её ярко-синие глаза. – Ты больше не будешь играть в свои игры в одиночку. Ты станешь частью системы. Ты получишь вечность, но в обмен ты должна принять... меня. Как делового партнёра.

Чёрная Королева склонила голову, изучая оборванца:

-Ты предлагаешь мне союз? Мне – Королеве Теней, и тебе – королю помоек?

-Я предлагаю тебе равновесие, – ответил Слава. – Держатели Весов дали мне право выбора: либо ты принимаешь это кольцо, – он указал на монету, которая начала трансформироваться в изящный черный ободок, – либо весы качнутся в сторону забвения. И тогда исчезнешь ты.

-Ты безумен, Слава, – тихо сказала она. – Но в этом безумии есть логика, которую я давно искала.

Она коснулась его грязной ладони. Монета-кольцо сама наделась на её тонкий палец, вспыхнув ослепительным черным пламенем.

-Я принимаю предложение Держателей, – произнесла она. – Но помни: если весы хоть раз дрогнут не в ту сторону, первым, кто отправится в небытие, будешь ты.

Слава улыбнулся – криво, по-бродяжьи, но с достоинством императора.

-Я на это и рассчитывал, Ваше Величество. На свалке всегда найдется место для еще одного выброшенного на обочину... – кого именно "выброшенного на обочину" – это он проговорил уже про себя.

И в ту ночь над Чёрным Замком впервые за столетие установилась идеальная тишина. Весы пришли в равновесие.

Тремя днями ранее...

В воздухе висел тяжелый запах соседского свинарника, ему вторил аромат прелой листвы, устилающей землю в саду вокруг и ещё чего-то металлического – привкус крови, который Саша теперь чувствовал даже в самом чистом воздухе. Он стоял перед маленьким домиком Бабушки К, сжимая кулаки так, что костяшки побелели. Его толстовка, когда-то любимая, была испачкана в чем-то темном, а на левом предплечье под рукавом жгла кожу странная, светящаяся чёрным татуировка – след её «научного интереса». Черная Королева смотрела на него, лениво перебирая пальцами тонкую цепочку из металла, происхождение которого затруднился бы объяснить самый продвинутый химик. Любой химик этого мира. Она выглядела безупречно, как всегда: холодная, величественная, пугающе прекрасная.

-Ты пришел не за тем, чтобы сказать, как ты меня любишь, Саша, – её голос прозвучал мягко, почти ласково, как дуновение чумного ветерка в Европе средних веков. – Ты пришел за ответами.

-Я пришел за правдой, – отрезал он. Его голос дрогнул, но он не отвел взгляда. – Скажи мне, что из того, что было между нами, – правда? Или я был просто подопытным кроликом с самого начала?

Королева медленно приблизилась. Её шаги по гравийной дорожке звучали почти неслышно. Она подошла к нему вплотную, и Саша невольно вздрогнул, когда её холодные пальцы коснулись его щеки. Он хотел отстраниться, но не

смог.

– Ты был лучшим из всех известных мне Людей, – прошептала она, глядя ему прямо в глаза. – Самым способным. Самым податливым.

– Я спрашиваю не о способностях! – он перехватил её запястье. – Я спрашиваю о нас. О наших ночах, когда ты шептала мне, что я единственный, кто тебя понимает. О том, как ты смотрела на меня, когда думала, что я сплю. Это тоже было частью эксперимента? Контроль эмоционального состояния?

Королева усмехнулась, и в этой улыбке не было ни капли тепла.

– Эмоции – это самый мощный катализатор, Саша. Ты был влюблен, ты был уязвим, ты был готов отдать мне всё. Разве ты не понимаешь? Твоя преданность позволила мне внедрить в твою нервную систему те нейросети, которые не прижились бы ни у кого другого. Ты стал моим шедевром.

Саша отшатнулся, словно от удара. Его дыхание стало рваным.

– Значит, всё это время... ты просто ждала, пока я стану достаточно «удобным»? Ты использовала мою любовь, чтобы превратить меня в своё орудие?

– Я сделала тебя особенным, – она шагнула вперед, сокращая дистанцию. – Посмотри на свою руку. Ты чувствуешь, как энергия течет по твоим венам? Ты больше не просто студент, Саша. Ты – часть моей силы. Разве это не то, о чем ты

мечтал? Быть рядом со мной?

– Я мечтал быть с тобой, а не быть твоим инструментом! – выкрикнул он. – Ты убила во мне человека, чтобы создать монстра.

– Я дала тебе вечность, – она приложила ладонь к его груди, прямо туда, где бешено колотилось сердце. – И если ты думаешь, что можешь просто уйти, забрав мои дары, ты глубоко заблуждаешься. Ты мой, Саша. От первой искры интереса до последнего вздоха, который я позволю тебе сделать.

Саша смотрел на неё, и в его глазах боролись ярость и та болезненная, въевшаяся под кожу привязанность, которую она сама же в нем и взрастила. Он понимал, что она права. Теперь он был связан с ней не только клятвами, но и самой структурой своего тела.

– Ты чудовище, – прошептал он и его рука поудобнее перехватила черенок лопаты.

– Я твоя Королева, – ответила она, притягивая его ближе. – А ты – мой самый верный эксперимент. И мы еще не закончили.

Дачный посёлок спал, укутанный в густой октябрьский туман. Саша, бывший студент факультета иностранных языков с вечно растрёпанными волосами и кругами под глазами от недосыпа, стоял посреди загородного участка Бабушки К. В руках он сжимал старую ржавую лопату, которую нашёл в сарае среди прочего садового инструмента.

Напротив него, в ореоле фонаря со столба над калиткой,

стояла Она. Чёрная Королева. Так её называли во множестве миров. Королева королевства Котов, бесстрашный правитель, его любимая женщина, чьи глаза казались двумя осколками обсидиана. Она всегда носила безупречные чёрные костюмы, а её присутствие заставляло воздух в Зале для приёмов становиться ледяным.

-Ты станешь прежним, Александр, – её голос звучал как звук бездушного автомата, забивающего бетонные сваи. – Ты думал, что сможешь превозмочь это?

Саша тяжело дышал. Его пальцы побелели на черенке лопаты.

-Я не хочу больше играть в твои игры, Маша, – выдохнул он. – Ты думаешь, я забыл? Ты думаешь, я не помню, как ты смотрела на меня в тот день, когда... когда всё началось?

Королева сделала шаг вперёд. Её губы тронула едва заметная, почти нежная улыбка.

-Ты всё ещё злишься из-за того, что я сделала с тобой? Ты был моим лучшим проектом, Саша. Моим самым дорогим... экспериментом.

В этот момент что-то внутри Саши сломалось. Это не было яростью. Это было осознанием того, что тайна, связывающая их – их общая кровь, их общее проклятие – должна быть разрушена физически. Он не раздумывал. Он просто сделал шаг вперёд и с глухим, тяжёлым звуком опустил лопату прямо ей в лоб.

Маша даже не вскрикнула. Она пошатнулась, её идеаль-

ная причёска рассыпалась, а из-под края безупречно уложенных волос потекла тонкая струйка чего-то, что в свете фонаря казалось не кровью, а густой чёрной смолой. Она упала на колени, глядя на него снизу вверх. В её глазах не было ненависти. Там была странная, пугающая нежность.

– Ты... – прошептала она, касаясь пальцами разбитого лба. – Ты наконец-то решился. Ты понял, что мы – две стороны одной медали, Саша. Ты ударил меня, чтобы убить часть себя.

Саша отбросил лопату. Она с лязгом ударилась о гравий дорожки.

– Ты не моя женщина, – сказал он, чувствуя, как по его собственному лбу начинает течь та же чёрная, вязкая жидкость, хотя его никто не трогал. – Ты – моё отражение. И я больше не хочу быть тобой.

Он развернулся и побежал прочь, в темноту, оставляя Чёрную Королеву сидеть на земле. Он знал, что она не умрёт. Он знал, что завтра она снова будет стоять на антрацитовых плитах Чёрного Зала в своём Чёрном Замке, поправляя Диадему, и никто даже не заметит следа от удара.

Но он также знал, что теперь между ними пролегла трещина. Саша бежал, а в голове пульсировала одна мысль: лопата была лишь началом. Чтобы уничтожить Королеву, ему придётся уничтожить Чёрный Замок, королевство Котов и, в конечном счёте, самого себя. И, как любил говорить один телеведущий: "Делать этого я, конечно же, не буду".

А где-то позади, в тишине сада, Чёрная Королева тихо рассмеялась, глядя на свои испачканные чёрным пальцы. Игра только начиналась.

Два слегка обшарпанных – в той степени обшарпанности, когда ты ещё не пересёк эту границу, но уже вошёл в контрольно-следовую полосу – мужчины, один с диковатой бородой (смотришь на такую и думаешь: "Я себя настолько никогда не запущу", а следом качающимся вагончиком летит мыслишка: "А не лезу ли я прямо своими грязными ногами да в чужие убеждения?"), подошли к билетёрше театра. На втором были подходящие бороде первого зимние сапоги ещё советского пошива.

-Ваши билеты! – это было сказано тоном, со всей ясностью выражающим отношение прислужницы Мельпомены к внешнему виду посетителей. Другие бы устыдились, но эти двое не были другими.

-А что, шикарной бороды уже недостаточно для того, чтобы пройти так? Так плюс один, – Шрайбикус кивнул в сторону Бомжа Славы.

-Сегодня постановок нет!

-Мы на репетицию.

-Она начнётся позже.

-Мы подождём в буфете! – хрипло прокаркал пахучий, весёлый, грязный и пьяный. Хотя, возможно, заядлый театрал углядел бы во всём этом игру и притворство. Да, даже в па-

хучести и грязи. – А вешалку вашу мы собой не потревожим, мы её минуем.

-Мужчины, ну вы же пришли в театр, вы бы хоть ботинки почистили, – укоряющий взгляд поверх очков.

-Это звёздная пыль, – они шагнули сквозь вертушку.

В буфете за стойкой их встретил молодой, расторопный, улыбающийся буфетчик:

-Здравствуйте, чего желаете?

-Скажите, а вот это у вас что?

-Водка.

-М-м-м-м, во-о-одка... Дайте нам, пожалуйста, два йогурта! Я-я-ягодных... – Бомж Слава в театре не был очень давно и сегодня ему хотелось соответствовать, так, как он сам это понимал.

-Нам просто водки, – адекватности в голосе у Шрайбикуса хватило сразу на обоих посетителей.

-Вам какой? – "Сука, хоть второй не такой debil. И чё мне симками не торговалось? А вот у нас новое обновление, а не хотите ли наш новый тариф?"

-А что, она разная бывает?

"Des imbéciles! Всё, доучиваю французский и валю отсюда! Аромат мартини Бьянко и шоколада".

-Я попробую объяснить, – бородатый был очень серьёзен и звучал голосом хорошо поставленного диктора. – Ты когда-нибудь бывал в морге?

-Да.

-И как – после этого, можешь всё так же спокойно продолжать есть человечину?

"Сука, а если это проверка?!"

-Мне сложно вас понять, изъясняйтесь, пожалуйста, проще.

-Сейчас попробую... Ты знаешь, чем трубочник отличается от трубкузуба? Причём ни один из них вообще не сантехник.

"Подыграть, надо просто им подыграть".

-О чём задумался?

"Наркоман и провокатор, провокатор и наркоман!"

Наконец буфетчик решился:

-Если включённый уют закрыть в работающей морозилке, кто победит?

-Смотря насколько вкачаны функция вертикального отпаривания и функция моментальной заморозки, – бородатый ответил, не задумываясь ни секунды.

-У меня брат работает в Рогачёве на молочном заводе. Могу предложить вам сливочно-ягодно-водочный коктейль "Красный туман".

-А ты хорош. Жги! – посетители улыбнулись.

Потом, взяв высокие бокалы с переплетёнными слоями, присели за столик.

-Итак, тактико-технические характеристики Зузу.

Вениамин Фёдорович Столбиков оказался рыжеватым, с

сединой, среднего роста живчиком с узкими от природы, но ничуть не азиатскими, постоянно прищуренными от природной хитрости глазками и мягким, уютным брюшком. Они пили горячий, крепкий, сладкий чай, сидя за столом на диване-уголке у него на кухне.

-Это настоящий Ван Гог? – Красный кивнул на висящее на вбитом в стену дюбеле полотенце-прихватку с принтом скворечника с двумя прыгающими по нему синичками.

-Здесь вообще всё настоящее. Не люблю реплики, – голос импотентолога показался им странно приятным.

-Скажите нам свой номер.

Столбиков назвал цифры, Красный набрал. Через три секунды в кармане халата хозяина запел телефон: на звонке стояла мелодия "Знаете, каким он парнем был", Вениамин Фёдорович достал его и сбросил вызов.

-У вас один, только этот, номер?

-Да.

Красный внимательно уставился на врача:

-Вы не могли бы встать и немного пройтись? Хочу вас записать, но ничего не приходит в голову, может, в движении получится.

Столбиков встал и прошёлся до окна и обратно. Неотрывно пронаблюдав за этими действиями, Красный принялся печатать новое имя абонента.

-И как вы меня назвали?

-Просто Веня. Без пробела.

-Вы к нам надолго?

Лёлик смерила врача оценивающим, со значительной долей превосходства, взглядом:

-Ты переживаешь, что мы нанесём твоему бизнесу урон, или подгадываешь, как бы половчее извлечь из нашего присутствия наиболее возможную выгоду?

Вениамин Фёдорович испуганно вскинул неожиданно широко раскрывшиеся глаза.

-Да не бойся ты, не буду я на тебя давить. Ты тут главный, – Лёлик успокоительно прихлюпнула горячим чаем. Её тон был как нельзя более умиротворённым, но после этих слов от Столбикова пахнуло стерильностью, дорогим одеколоном и безнадёгой:

-Я расскажу вам всё, что вы захотите услышать, – сказал он, мелко трясась и потея.

-Что ты знаешь о Зузу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.